

ратуре областных центров: от прямого „обличения“ Москвы до идеализации своих местных политических и церковных деятелей, своего исторического прошлого, в форме легенд и легендарно-исторических или легендарно-политических повестей и сказаний. Особенно яркие образцы таких произведений дали Новгород и Псков.

С другой стороны, обращение писателя к местной теме в это переходное время не всегда свидетельствовало о его разрыве с современностью, о его консерватизме. Чаще всего оно говорило как раз о противоположном. Во второй половине XV в. в московской литературе получила широкое распространение тенденция к переосмыслению местных литературных и народно-поэтических произведений в общенациональном направлении. Одним из интереснейших фактов этого ряда является создание около 1456 г. московским книжником на основе местных смоленских преданий „Повести о Меркурии Смоленском“. Меркурий приобретает в этой повести облик общерусского героя, а легендарный рассказ о поражении татаро-монголов под Смоленском — значение общерусского события. Несколько позже это направление в литературной работе московских писателей, поддерживаемое и духовной и светской властью, сказалось в тщательном сосредоточении в Москве и редактировании многочисленных местных житий, легендарных сказаний об иконах и проч.

Значительно более сложное отражение русской исторической действительности второй половины XV в. мы обнаруживаем в одной из крупнейших древне-русских муромо-рязанских повестей — „Повести о Петре и Февронии муромских“. Эта сложность объясняется в данном случае тем, что „Повесть о Петре и Февронии муромских“ характеризуется не только освещением местной темы, но и тем, что автор ее не москвич, а житель одного из периферийных культурных и политических центров (вернее всего — Муром) и горячий патриот своего края.

Повесть о Петре и Февронии известна в рукописях под названием то „Повесть от жития“, то „Житие и жизнь“, то просто „Житие“ и, как „житие“, нередко вносилась в различного рода сборники житийного характера. Но житийного в ней, за исключением нескольких эпизодов, приведенных для характеристики Февронии и отчасти — Петра, ничего нет. Это было очевидно и для древне-русского читателя. Культ Петра и Февронии как местных муромских святых уже вполне сложился ко второй половине XV в. К этому же времени следует отнести и написание „Повести о Петре и Февронии“.¹ В 1547 г. на московском церковном соборе Петр и Феврония канонизируются, а несколько позже официально признаются общерусскими святыми. В 1552 г. во время похода на Казань

¹ Попытка отодвинуть создание повести к XVI в., связать ее с литературной деятельностью Ермолая — Еразма должна быть признана неудачной; см.: В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая — Еразма. Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 г., вып. 33, Л., 1926, стр. 103—200; Ю. А. Я в о р е к и й. К вопросу о литературной деятельности Ермолая — Еразма. *Slavia*, 1930, IX, S. 1, 57—80; S. 2, 273—299.